

УТВЕРЖДАЮ:

ВРИО заместителя директора по
научной работе Федерального
государственного бюджетного
учреждения науки
Института философии Россий-
ской академии наук
д. филос. н. А. В. Прокофьев

23 » марта 2023 г.

ОТЗЫВ ведущей организации Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии Российской академии наук на диссертационное исследование Попова Дмитрия Владимировича на тему «Управление жизнью: философско-антропологические основания, потенциал и перспективы биополитики», представленной на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 5.7.8. – философская антропология, философия культуры (философские науки)

Актуальность и новизна темы и результатов исследования. Научно-технологический прогресс превращает тотально жизнь человека в предмет рационального влияния, управления и преобразования (конструирования). Практически нет ни одного аспекта человеческого существования в качестве индивида или социальной группы, который не подвергнулся бы биотехнологическому переформатированию. Безусловная заслуга диссертанта заключается в том, что им представлена энциклопедически богатая, критически структурированное осмысление как исторически развивающихся форм управления жизнью, так и многочисленных опытов их концептуализации, группирующихся внутри проблемных полей биовласти и биополитики.

При этом Д. В. Попов не просто воспроизводит существующие философские концепты, но их существенно уточняет, углубляет или расширяет исторические рамки их продуктивного использования. Примером, может служить концепт биополитики, работа которого ограничивалась М. Фуко рамками Но-

вого времени. Диссертант, опираясь на идеи М. Оякангаса, А. В. Яркиева и Дж. Скотта аргументированно сдвигает границы релевантности использования этих понятий к самым начальным стадиям формирования государственности. Аналогичным образом им обоснованно переосмысливается ключевое понятие М. Фуко биовласти за счёт расширения его семантического содержания и насыщения современным материалом, связанным с биотехнологическим прогрессом и цифровизацией всех областей человеческой жизни, включая биомедицину.

Значимость для науки и практики полученных результатов определена рядом существенных свойств диссертационного исследования.

Во-первых, она заключается в отмеченной выше уникальной и для отечественной, и для зарубежной литературы энциклопедичности репрезентации как эмпирического материала различных практик управления жизнью, так и концептуального инструментария его (эмпирического материала) обработки. Вне зависимости от согласия или несогласия с выводами автора читатель получает богатый, качественно представленный исторический и теоретический материал, провоцирующий новые направления обсуждения поставленных тем.

Во-вторых, *личный вклад автора* заключается не только в добротной репрезентации эмпирического и теоретического материала по теме исследования, но и в его качественном критическом переосмыслении, о чем уже отмечалось выше. Более того, опираясь на солидную базу эмпирических исследований и богатый опыт их осмысления, Д. В. Попов выдвигает целый ряд своих оригинальных концептов, позволяющих более рельефно осмыслить философские и антропологические основания, потенциал и перспективы биополитики. Среди выдвинутых им концептов можно упомянуть концепты биохрисии (жизне-пользования), биоанисихии (заботы о жизни) и биоургии (жизне-творения). Эти концепты позволяют систематизировать разнообразные практики управления жизнью, внести в их многообразие диахроническую и синхроническую структурированность. Автором представлен оригинальный, хорошо обоснованный концепт жизни как предпосылки биополитических практик, строящий-

ся на переосмыслении идей А. Бергсона (жизненный порыв), Ж. Делёза и Ф. Гваттари (яйцо, тело без органов, труп), Э. Гуссерля и Х. Плеснера (тело – корпус и тело – плоть). Оригинален и продуктивен концепт негантиропной биополитики, крайним вариантом которой выступает танатополитика. Не менее оригинально и содержательно поставлена проблема конфликтно-содружественных взаимодействий населения с аппаратами биовласти в виде торга и шантажа, мирного сосуществования и гражданской войны. Четко обозначены ближайшие рубежи трансформантропной биополитики, драйвером которой выступает экономика желаний.

Следует подчеркнуть, что Д.В. Попов в выборе цели исследования не ограничивается историко-философскими реминисценциями и теоретико-методологическими конструкциями, репрезентирующими развитие биополитического дискурса. Д.В. Попов осуществляет полноценное философско-антропологическое исследование, в котором производится «осмысление с точки зрения философской антропологии практик биополитического конструирования человека как в направлении усиления его жизнеспособности, так и в направлении снижения его жизненного потенциала» (с. 9). Амбивалентность биополитики в отношении жизни индивидуума и совокупного населения современного государства, исторически сформировавшегося в режиме биополитического управления, задает проблемное поле, «нерв» диссертационного исследования.

Из цели исследования закономерно вытекает ряд задач, последовательное решение которых разворачивается в тексте диссертации и предстает в концентрированном виде в девяти положениях, выносимых на защиту. Надо отметить, что диссертационное исследование обладает строгой внутренней рациональностью, а ряд ключевых выводов, вытекающих из решаемых задач, располагается в отношении логического следования.

Диссертационное исследование автор начинает с определения места биополитики в ряду форм отношения человека к жизни, а поскольку в первую очередь человек соприкасается с собственной жизнью, отношение к жизни находит

свое непосредственное продолжение в управлении жизнью. В первой главе «Жизнь как объект управления» Д.В. Попов формирует теоретическую рамку, в которую в дальнейшем помещает биополитику. В целом же фрейм отношения человека к жизни состоит из трех элементов, соответствующих различной степени интенсивности воздействия человека на жизненные процессы. В ряду форм отношения человека к жизни диссертант выделяет биохрисию (жизне-пользование), биоанисихию (заботу о жизни) и боургию (жизне-творение). Д.В. Попов предлагает усложняющийся ряд пользование–забота–конструирование жизни, коррелирующий с усложнением социальной организации, развитием науки и технико-технологической искусственной сферы, порождаемой разумом человека. Движение от естественного к искусственному, от непосредственного распоряжения жизнью к управляющему воздействию на нее предоставляет возможность включить биополитику в общий тренд трансформаций отношения человека к себе. В дальнейшем биополитика становится фактором, усиливающим тенденции заботы о жизни и конструирования жизни. Характерная для исследования концентрация внимания на амбивалентности управления жизнью и биополитики обнаруживается в третьем и четвертом параграфах главы: «Евгеника как проект улучшения жизни» и «От улучшения к конструированию жизни». В первом случае прослеживается генезис, предпосылки и негативные последствия евгенического проекта начала XX в., во втором случае – ряд биотехнологических парадоксов современности. Пример нацистской биократии призван продемонстрировать деструктивный потенциал биоургии в ее вмешательстве в трансформацию человека. К достоинствам главы следует отнести корректность обращения с понятием «жизнь», содержание понятия которой в необходимых для исследования пределах автор специально оговаривает, и нетривиальную интерпретацию исторических событий первой половины XX в. как борьбу евгенических проектов.

Автор использует адекватный методологический аппарат. Глава характеризуется целостностью как метода описания, так и представления самого предмета исследования – жизни как объекта биовласти. Нет излишней зачарованности классиками. Есть объемная и хорошо продуманная авторская позиция.

Поместив биополитику во фрейм отношения (ведения, управления) человека к жизни, во второй главе «Биополитическое распоряжение жизнью» Д.В. Попов осуществляет историко-философское археологическое исследование биополитики, что приводит к результату, который следует по праву отнести к научной новизне. Диссертант, используя широкий круг источников, обосновывает точку зрения, согласно которой фуколдианская интерпретация рождения биополитики в XVIII в. расширяется до трактовки, в рамках которой биополитические практики манипуляции основными характеристиками жизни в отношении населения людских сообществ обнаруживаются в Древней Греции и даже раньше – в период формирования «зернового государства» (Дж. Скотт). Эпоха Модерна масштабирует древние практики, придавая их использованию целенаправленность, системность, приоритетное значение. Историческая реконструкция биополитики позволяет перейти к выявлению сущностных характеристик, инструментария и основных стратегий биополитики. Диссертант демонстрирует возможности медикализации, дисциплинаризации, нормализации, индоктринации, практической идеализации, индоктринации, иммунизации на службе биополитики. Тематизация амбивалентности биополитики достигает своего апогея в положении, согласно которому утилитарное отношение биовласти к населению как ресурсу влечет инверсию отношения к индивидууму и жизни, а обнаружение непосредственных способов воздействия на жизненные начала человека способно привести к обращению биополитики в танатополитику, заботы о жизни в работу смерти. Амбивалентными импликациями так понимаемой биополитики приводят к экспликации типологии биополитических стратегий, среди которых основными являются негантропная биополитика и конфирмантропная биополитика. Диссертант плодотворно анализирует полученные концепты, что является несомненным достоинством исследования.

Вторая глава представляет собой плотный текст, без пустот и смысловых провалов, с четкой классификацией и аккуратным и фундированным анализом. Здесь рельефно выявлены собственные идеи и выводы. Автор проводит исследование на высоком уровне абстракции, что позволяет логично выстраивать структуру работы.

Следствием оригинального теоретико-методологического подхода диссертанта, рассматривающего биополитику сквозь призму имманентных ей противоречий, становится третья глава «Биовласть и население: противоречивое единство», в которой Д.В. Попов, используя категории инклюзия/экслюзия демонстрирует потенциал биополитического управления жизни и его влияние как на отдельного индивида, так и на основные параметры социального целого. Одновременное движение «вглубь» и «вширь» дает многочисленные результаты. Обнаруживая основание амбивалентного применения биополитического инструментария в дихотомии онтологически защищенной и онтологически незащищенной личности, диссертант демонстрирует целую галерею биополитических пространств, построенных в логике исключения. Справедливости ради, следует отметить, что не меньшая работа проведена и в направлении демонстрации логики включения, примерами чего становятся диспозитивы «культуры себя», «заботы о себе», «работы на себя».

Противонаправленные тенденции инклюзии/экслюзии, подавления и антиподчинения позволяют на основании агамбеновской методологии «диалектики на месте» концептуализировать перманентно напряженное отношение биовласти и населения в формах торга, шантажа и гражданской войны. Безусловным достижением исследования становится установление связи между антропологической моделью, формируемой в обществе, и биополитической стратегией, которой руководствуется биовласть. В конечном итоге дихотомии *homo sacer/homo comes* устанавливается соответствие в виде негантропной/конфирмантропной биополитики.

Глава привлекает широкий круг источников и включает в себе многочисленные плодотворные идеи. Представляет интерес рассмотрение логики исключения на материале антипсихиатрии, использование антропологических исследований М. Дуглас и Р. Бенедикт, творческое применение отрицательной антропологии В. Подороги. Содержание главы придает исследованию целостный философско-антропологический характер.

Историко-философские, онтологические, политико-философские аспекты биополитики, органически фундированные философско-антропологическим

моделированием отношения биовласти и населения, в четвертой главе «Трансформантропная биополитика как будущее биовласти» дополняются футурологическим исследованием биовласти. На этом пути биовласть обретает форму технобиовласти, а биополитика становится трансформантропной биополитикой. Содержание главы в полной мере соответствует задаче философского осмысления перспектив биополитики сквозь призму раскрытия ее амбивалентного потенциала. Удачно используя фуколдианские концепты знания-власти и «панграфического паноптизма», выражающего перфекционистское функциональное совершенство бентамовского Паноптикона, диссертант интерпретирует историю человеческой цивилизации как становление аналитики «больших данных» и развитие средств паноптического наблюдения, достигающих совершенства в палантирах – многофункциональных «умных» устройствах на основе технологий искусственного интеллекта, для которых мечта о контроле, надзоре и модификации человека становится явью. На этом пути трансформантропная биополитика сближается с логикой машинного филума (Ж. Делез, Ф. Гваттари), что диссертант рассматривает как крайне опасную тенденцию, грозящую расчеловечиванием. Вызывают интерес установление связи между логикой машинного филума, машиной Тьюринга, наноассемблерами Дрекслера и биополитическим управлением жизнью. Удачными находками являются рассмотрение домодерного полицейского государства, описанного *Polizeywissenschaft*, тейлоризма, фордизма и «гуглизации» в контексте развития средств наблюдения и контроля, укладываемых в логику биополитического управления жизнью.

Научной новизной обладают предложенные концепты биополитического кризиса и биополитической революции. Оригинальны футуристические сценарии *Homo Animalis*, *Homo Formica*, *Homo Deus*, *Homo Daemon*. Наконец, концептуально обоснованным выглядит предложенное в завершении четвертого параграфа главы положение об антропологическом значении биополитики, предстающей как опытное, экспериментальное знание о возможностях человека, совместимое с социальным общежитием и предоставляющее континуум образов жизни, фреймов и габитусов, способных совместить реализацию телео-

логии биовласти с заинтересованностью населения в благополучной и безопасной жизни.

Основные полученные диссертантом результаты, определившие научную новизну диссертации, состоят, на наш взгляд, в следующем:

1) Диссертационное исследование помещает биополитику в контекст управления человеком собственной жизнью и дает антропологическую, историко-философскую, политико-философскую и футурологическую интерпретацию феноменов биовласти и биополитики;

2) Разработано феноменологическое поле биополитического управления жизнью: описаны сущностные характеристики, инструментарий, стратегии, перспективы биополитического управления жизнью, биополитические пространства и их особенности;

3) Обнаружена, эксплицирована и обоснована законосообразная связь между практикуемой в обществе антропологической моделью человека и реализацией определенной биополитической стратегией, что предает исследованию диагностический и прогностический потенциал;

4) Неизменная на протяжении диссертационного исследования идея амбивалентности биополитики позволила смоделировать перманентно-напряженное отношение биовласти и населения во взаимосменяемых формах торга, шантажа и гражданской войны. Воспроизведенная в исследовании античная идея политики как сферы недопущения гражданской войны в контексте биополитического управления в современном обществе предстает как актуальная рецепция утраченного знания;

5) Введены в научный оборот концепты биохриси, биоанисихии, биоургии; конфирмантропной, негантропной и трансформантропной биополитики, обогащающие научный тезаурус и способствующие продуктивному изучению феноменов биовласти и биополитики;

6) Создана оригинальная модель трансформантропной биополитики и технобиовласти, позволяющая критически оценить перспективы, достижения, опасности, риски биополитического управления жизнью;

7) Диссертационное исследование является одним из немногих комплексных философско-антропологических исследований феномена биополитики, открывающая многочисленные эвристические возможности тематизации биополитики в контексте учения о человеке.

Вместе с тем определенные положения диссертационной работы оставляют возможность высказать ряд замечаний.

Автор пишет, что в начале XX в. на авансцену идейных течений выступили четыре интеллектуальных течения: политическая теология, психология масс, геополитика, евгеника. В XX в. эти дискурсы конструирования верований, общественных взаимодействий, социального пространства и самой природы человека сами были отредактированы под воздействием биовласти, став биотеологией, биооправом, биокапитализмом и биотехнологией. Обосновано, что биовласть выступает основным фактором конструирования человечества. Однако как данные рассуждения соотносятся с анализом других факторов влияния? Например, с такими течениями, как коммунизм, либерализм, фашизм, религии, потребительство и т.д., которые также не сходят с авансцены и продолжают оказывать влияние на сознание и социально-политическую жизнь человека?

Автор отмечает, что биополитика предстает в качестве континуума инструментов, институтов и фреймов, направленных на формирование габитусов, удобных для биовласти в рамках ее телеологии. Однако в этой связи возникает впечатление, что биовласть предстает как автономный субъект влияния. Автор не до конца проясняет: кто, какой социальный субъект ее осуществляет? Наука? Техника? – это важный вопрос. Или же напрашивается вопрос о трансцендентном характере биовласти.

В качестве критического соображения можно также отметить ограниченность «левой» ориентации дискурсов биополитики и биовласти, так или иначе связанных с именем М. Фуко и, в серьезной степени, разделяемой диссертантом. Вполне с заявленной темой обсуждение сфокусировано на проблеме управления жизнью, в той её комплексной характеристике, которая дана диссертантом. Её покорения и конструирования. К примеру, характеризуя

первые формы управления жизнью в терминах биохрисии (жизне-пользования) и биоанисихии (заботы о жизни), диссертант по умолчанию предполагает фигуру того, кто использует жизнь или того, кто о ней заботится. Смысл человеческой жизни так или иначе, или как говорили наши марксисты 60-х годов прошлого века, - «в конечном итоге» выражает себя в труде. Поэтому естественна телеология биовласти – увеличение продуктивности тел и популяций.

Но проблема в том, что освоение жизни не всегда связано с управлением ею. Особенно на первых исторических этапах использования. Прежде чем покорять жизнь человек должен войти в неё, родиться и пройти все стадии до смерти. Не он себя рождает, превращает младенца в ребёнка, ребёнка в подростка и т. д. Человек лишь причастен порождающей мощи жизни (натальности по Х. Арндт). Здесь речь идёт не о свободе человека использовать жизнь, а о традиционных (передаваемых из рук в руки) практиках причастности ей в символических, праздничных формах обрядов и ритуалов. В этих феноменах культуры реализуется не власть человека над жизнью, а власть жизни над человеком. Причастность обеспечивает иную форму творческой свободы человека, иную идею биовласти и биополитики.

Кроме того, хотелось бы также обратить внимание диссертанта на чрезмерное увлечение словотворчеством и риски введения избыточного для одной диссертационной работы количества понятийных новообразований, которые временами вызывают ощущение снижения концептуальной ясности, необходимой для диссертационного исследования.

Вместе с тем указанные замечания не снижают высокой оценки работы в целом. Задачи, поставленные в рамках диссертационного исследования, в нем решены, работа носит завершённый характер, отличается самостоятельностью и теоретической новизной. Полученные результаты безусловно соответствуют научной специальности, по которой защищается работа. Содержание автореферата отражает основное содержание диссертации, основные идеи исследования полно представлены в публикациях автора.

Диссертация Д.В. Попова является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение масштабной философской проблемы, имеющей существенное значение для соответствующей отрасли знаний, что соответствует требованиям п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842. Полученные результаты могут быть применены в дальнейшем при разработке философско-антропологических, политико-философских, прогностических моделей биополитического управления жизнью, а также в системе образования и социально-политического управления. Считаю, что Д.В. Попов заслуживает присвоения искомой степени доктора философских наук по специальности 5.7.8. – философская антропология, философия культуры (философские науки).

Отзыв обсужден и утвержден на заседании сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН «21» марта 2023 г., протокол № 1.

Руководитель сектора
гуманитарных экспертиз и биоэтики,
ведущий научный сотрудник,
доктор философских наук

— О.В. Попова